

11115
2975

051983

5

7

2

TY-19-241-82

1

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—057

О. ТИХОМИРОВ

КАХОВКА
КАХОВКА...

Художник Б. ИЗНАЙВЪЕВ

Помните знаменитую песню Михаила Светлова «Каховка, Каховка, родная винтовка...»? Посвящена эта песня старой большевичке рижанке Зельме Яновне Пиген.

Ещё девочкой Зельма выполняла поручения подпольщиков. Скажут ей: сходи на такую-то улицу, в такой-то дом, передай, что завтра будут гости. А на самом деле это было предупреждение об опасности или зашифрованный приказ.

В другой раз поручат ей отнести обед на завод. Несёт Зельма судки и знать не знает, что внизу, под гречневой кашей, лежат завёрнутые в клеёнку листовки.

Через несколько лет Зельма сама поступает на завод. В 1915 году завод эвакуируют в Москву (к Риге приближались немцы). А ещё через год Зельма становится членом Российской социал-демократической партии большевиков. В ту пору ей исполнилось пятнадцать лет.

Как-то раз—это было уже в январе 1917 года—отозвал её в сторону один из старших товарищей и говорит: «Сегодня ночью взяли Карлиса. Он в тюрьме. Необходимо выяснить, с документами он попался или нет. Пойдёшь к нему на свидание?»

«Пойду».—«Хорошенько подумай. Могут арестовать». Хоть и страшно было Зельме, а всё же вновь прошептала: «Пойду».

Карлис был нужнейшим человеком в большевистском подполье. Он занимался изготовлением фальшивых документов. Бежал ли кто из ссылки, был ли кто на нелегальном положении—каждому требовался такой документ.

Зельма и сама понимала, что могут арестовать того, кто пойдёт к Карлису. Но ведь не зря именно ей предложили отправиться на свидание: почти девчонка, меньше подозрений.

«Пропустите меня,—просила она жандармского офицера.—Карлис мой жених».—«Розги нужны тебе, а не жених,—проговорил офицер, но кивнул подчиненному:—Дай пропуск на свидание в присутствии надзирателя».

Странный разговор происходил у «жениха» и «невесты». Слово по-русски, слово по-латышски. «Говорить только по-русски!»—приказал надзиратель. «Но она по-русски плохо говорит»,—спокойно ответил Карлис.

Короткой была эта встреча, но всё же Зельма слышала то, ради чего шла в тюрьму. Карлис не раз произнёс по-латышски слово «дрова». Необходимые документы она разыскала в дровах во дворе у Карлиса.

**Наступил Октябрь! В Москве загрели выстрелы.
Зельма Пиген—дружинница в одном из рабочих
отрядов.**

Вместе со своей подругой Иоганной Замале ей удаётся проникнуть в здание Лефортовского кадетского корпуса—якобы нужно увидеть знакомого офицера. 14

История с поиском «знакомого» завершилась так: девушки направили револьверы на часовых, охранявших проходную.

Ворвавшие красногвардейцы быстро разоружили юнкеров и офицеров корпуса.

После того как в Москве победила революция, Зельма Пиген в составе 2-го Московского отряда отправляется на Украину. Она была с теми, кто устанавливал Советскую власть в Харькове, Полтаве, Киеве.

Во время боёв за Киев Зельма была ранена петлюровской пулей в плечо. Месяц провела в госпитале. 18

Едва лишь вернулась в отряд, услышала слова командира: «По заданию Ленина 3-й Курземский латышский полк будет освобождать от белогвардейцев Ростов-на-Дону. Кто желает вступить в этот полк?»

С другими бойцами шагнула вперёд и Зельма.

Когда прибыли в полк, командир Кирилл Стуцка посмотрел на Зельму с растерянностью. Худенькая, бледная, в полупальто с заплатами—такой предстала девушка перед боевым командиром.

«Не знаю,—проговорил он,—куда же деть эту барышню?» Зельма с вызовом взглянула ему в лицо: «Никакая я не барышня. Я только что из госпиталя. И ранена была в уличной схватке с врагом».

«Ладно,—усмехнулся командир,—ступай в третью роту».

И опять—бои, бои, бои... Во всех этих сражениях стрелок Пиген была бесстрашным, ловким и умелым бойцом—непроста её вскоре избрали секретарем партячейки.

После взятия Курска полк, в котором сражается Зельма Пиген, снова попадает на Украину. В начале августа вышли к низовьям Днепра. На противоположном берегу—Каховка.

Барон Врангель не ожидал, что большевики решатся здесь форсировать Днепр. Но Каховку нужно было взять во что бы то ни стало. Приказ был чёткий: «Первой пойдёт в бой латышская дивизия, возглавит операцию 3-й полк».

Вначале нужно было разведать место, где можно высадиться десанту. На том берегу—плавни, болота. В разведку отобрали пятерых бойцов.

Ночью вместе с ними поплыла в лодке и Зельма. Причалив к берегу, разделились на две группы: одни пошли влево, другие—вправо.

Пока нашли место, пригодное для десанта, стало светать. Зельма подумала: «Если беляки нас заметят, догадаются. Станут охранять берег. Пропадёт внезапность нападения.»

„Давайте останемся здесь, пока снова не стемнеет», — предложила она бойцам и объяснила, в чём дело. Лодку затащили в камыши и так просидели в ней весь день. Даже не разговаривали: белые были совсем рядом.

Ночью вернулись к своим, обо всём доложили.

Бой за Каховку был жестокий. Белые не выдержали натиска большевиков, бежали.

А через несколько дней представитель Реввоенсовета вручил Зельме Пиген часы с надписью: «Стойкому защитнику пролетарской революции».

В двадцать втором году Зельма вернулась в Москву и поступила слесарем на тормозной завод. Стала ударницей. Окончила рабфак. Выбрали Зельму секретарем парткома.

В начале тридцатых годов на заводе появился поэт Михаил Светлов. Его познакомили с Зельмой. Светлов принялся расспрашивать её о гражданской войне: как Зельма воевала, да с кем, да где?

И вот прошло какое-то время—звонит Зельме её бывший командир Кирилл Стуцка: «Ты слышала «Каховку»? Про тебя поют! «И девушка наша проходит в шинели, горячей Каховкой идет...»

«Да нет,—отвечает Зельма.—Не про меня. Это о каждой, кто воевал на гражданской...»—«Эх ты! От такой песни отказываешься».—«Не отказываюсь. Но не могу же я приписывать себе...»—«Ладно, ладно, не скромничай».

Да, «Каховка, Каховка...» принадлежит целому поколению. Песню эту любят миллионы. Любит её и седовласая женщина с голубыми глазами. На груди у неё орден Ленина, два ордена «Знак Почёта», значок Красного латышского стрелка...

КОНЕЦ

Художественный редактор **В.ДУГИН**
Редактор **Г.ВИТУХНОВСКАЯ**

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1981 г.
101 000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30
Д·111·81

